
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVII

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 110-летию юбилею монгольского ученого-монголоведа,
общественного деятеля, переводчика Мэргэн-гуна Гомбоджаба

St. Petersburg
2016

Редакционная коллегия: доктор филол. наук И. В. Кульганек (председатель); доктор филол. наук Л. Г. Скородумова; доктор ист. наук Т. Д. Скрынникова; доктор ист. наук К. В. Орлова, канд. филол. наук Н. С. Яхонтова; доктор наук Ж. Легран (Франция); доктор наук Р. Поп (Румыния); доктор наук А. Бирталан (Венгрия); доктор наук В. Капишовска (Чешская республика)

Рецензенты: канд. филол. наук М. П. Петрова, доктор филол. наук С. Л. Невелева
Секретарь и редактор английского текста выпуска: канд. филол. наук Д. А. Носов
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru

Edited by: D. S. (Philology) I. V. Kulganek; D. S. (Philology) L. G. Skorodumova; D. S. (History) T. D. Skrynnikova; D. S. (History); K. V. Orlova; PhD. (Philology) N. S. Yakhontova; D. S. J. Legrand (France); PhD. A. Birtalan (Hungary); PhD. R. Pop (Rumania); PhD. V. Kapishovska (Czech Republic)

Peer-reviewed by: PhD. (Philology) M. P. Petrova, D. S. (Philology) S. L. Neveleva
Secretary and Editor of the English text: PhD (Philology) D. A. Nosov
e.mail: kulgan@inbox.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XVII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. — 104 с.

Семнадцатый выпуск журнала «Mongolica» посвящен 110-летию юбилею монгольского ученого-монголоведа, общественного деятеля, переводчика и публициста Мэргэн-гуна Гомбоджаба (1906—1940).

Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Рецензии», «Переводы». В журнал вошли статьи российских и зарубежных специалистов, отчеты о проведенных научных мероприятиях по монголоведению и переводы, выполненные российскими монголоведами. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монгологов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The seventeenth edition of the magazine «Mongolica» is dedicated to 110th anniversary of Mongolian scholar, public figure, translator and essayist Mergen-gun Gombodzhab (1906—1940).

This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews», and «Our Translations». The magazine includes articles written by Russian and foreign scholars, the reports of the scientific activities in field of Mongolian studies and translations made by Russian mongolists.

The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value.

The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Литературный редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
Корректор — Т. Г. Бугакова

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 07.11.2016. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ №

ISSN 2311-5939

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2016
© Институт восточных рукописей РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Хишигт. Мэргэн-гун Гомбоджаб — князь, ученый, переводчик, общественный деятель (1906—1940) (Перевод Л. Г. Скородумовой, И. В. Кульганек)	6
И. В. Кульганек. Ленинград в жизни Мэргэн-гуна Гомбоджаба.	11
Д. А. Носов. Мэргэн-гун Гомбоджаб и Институт живых восточных языков в Ленинграде	24
Т. Тамир, Т. Аира. Книги из личной коллекции М.-г. Гомбоджаба.	27
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. Ш. Кадырбаев. Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казаками в эпоху Цин	30
Т. Д. Скрынникова. Представления об общемонгольской идентичности в монгольских летописях XVII в.	35
И. М. Захарова, М. В. Мандрик. Делегация автономной Монголии в России в 1912—1913 гг.	42
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Г. Батсуурь. Новизна образов повести Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка»	48
А. В. Зорин, Ю. С. Макарова. Два калмыцких списка тибетского сборника «Доманг» из коллекции Саратовского областного музея краеведения	52
Б. В. Меняев. Ойратский ксилограф из частного собрания Хотол-Тугеса, посвященный культу будды Амитаюса	61
Т. Содгэрэл. Наигрыши на цууре в Западной Монголии: вопросы классификации	65
Д. Сувданцэцэг. Запятая в монгольском предложении: случаи постановки	69
А. А. Туранская. Жанровая маркировка «гурбум» в тибето-монгольской агиографии	78
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек, Е. Ю. Харькова. Седьмые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир»	83
ПЕРЕВОДЫ	
Ж. Дашдондог. Я никогда не был антисоветчиком (Перевод Л. Г. Скородумовой)	88
Ц. Доржготов. Подарок снега (Перевод А. Токмакова под редакцией Л. Г. Скородумовой)	91
С. Буяннэмэх. Врата литературы (<i>Окончание</i>) (Перевод А. Сапожниковой под редакцией Л. Г. Скородумовой)	93
Информация об авторах.	103

Contents

N. Hishigt. Mergen-gun Gombodzhab — prince, scientist, translator (1906—1940) (translated by L. G. Skorodumova and I. V. Kulganek)	6
I. V. Kulganek. Leningrad in the life of Mergen-gun Gombodzhab	11
D. A. Nosov. Mergen-gun Gombodzhab and the Institute of Living Oriental Languages in Leningrad.	24
T. Tamir, T. Aira. Books from the personal collection of Mergen-gun Gombodzhab	27
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
A. Sh. Kadyrbaev. Monuments of steppe legislation «Jeti-Jargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig» and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period	30
T. D. Skrynnikova. Ideas of the all-Mongolian identity in the Mongolian chronicles of the XVII century	35
I. M. Zakharova, M. V. Mandrik. The delegation of Autonomous Mongolia in Russia in 1912—1913	42
PHILOLOGY: LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
G. Batsuur. Images Novelty in Ts. Damdinsurung's Story «The Rejected Girl»	48
A. V. Zorin, Yu. S. Makarova. Two Kalmykian Manuscript Copies of the Tibetan Collected Book «Mdo mangs» Kept at the Saratov Regional Museum of Local Lore	52
B. V. Menyaev. Oirat woodcuts from the private collection of Hotol-Tuges dedicated to cults of Buddha Amitayus	61
T. Sodgerel. Tunes on tsuur in Western Mongolia: the classification.	65
D. Suvdantsetseg. A comma in Mongolian sentence: cases of setting	69
A. A. Turanskaya. Genre marker 'gurbum' in Tibeto-Mongolian Hagiography	78
THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS REVIEWS	
Ju. V. Boltach, I. V. Kulganek, E. Ju. Khar'kova. VIIth Conference, dedicated to Agvan Dordzhiev.	83
OUR TRANSLATIONS	
Zh. Dashdondog. I have never been anti-Soviet (translated by L. G. Skorodumova)	88
Ts. Dordzhogotov. Gift from snow (translated by A. Tokmakov, edited by L. G. Skorodumova)	91
S. Buyannemekh. Gates of literature (translated by A. Sapozhnikova, edited by L. G. Skorodumova)	93
Information about the authors	103

Т. Д. Скрынникова

Представления об общемонгольской идентичности в монгольских летописях XVII в.¹

В статье уделяется внимание выявлению тех понятий, которые моделировали в текстах XVII в. границы общемонгольской идентичности. Анализ монгольских текстов показал, что восстановленная Даян-хаганом общемонгольская полнота сохраняла свою актуальность и в XVII в., обозначаясь и как *великий Монгольский улус*, и как *Великий улус шести тумэнов*, позиционируя идентичность всей Монголии.

Ключевые слова: Монголия, власть, концепт *великий улус*, шесть тумэнов, традиционная политическая культура.

Монгольские летописи выполняют функцию носителей социальной памяти: актуализация и мультипликация исторических рассказов (мифов?), выступающих в функции «обосновывающей истории». Это свидетельствует об осознании необходимости возрождения через вспоминание исторического прошлого, чтобы, как писал Леви-Стросс, «сделать его движущей силой своего развития». Можно говорить о семиотизации истории. Причем этому процессу подвергаются не только славные страницы монгольской истории, но и трагические фигуры, например Тогон-Тэмур, побежденный китайцами и изгнанный из Пекина. Ему приписывается образование сорока тумэнов монголов (а ретроспективно в «Алтан товчи» — Чингис-хану), а происхождение китайского императора связывают с монголами.

Необходимость обращения к прошлому обусловлена негативными оценками настоящего (отсутствие реального единства монголов перед лицом объединившихся успешных маньчжуров) и неудовлетворенностью реальностью настоящего, что отсылает к воспоминаниям о героическом прошлом. Национальное возрождение (пробуждение) монголов способствовало мобилизации культурно-исторической памяти, противопоставляя нестабильной современности эпоху величия монголов. Ревитализация славных страниц истории приобретает значение в плане формирования представления о себе, а также как фактор, направляющий деятельность. Зафиксированные в письменных памятниках XVI—XVII вв. актуальные концепты были кодифицированы и приобрели устойчивую форму. Причем, безусловно, социально воссозданное прошлое было результатом целенаправленного конструирования. И в этом случае по-

литическая культура представляла собой целый комплекс знания, обосновывавшего идентичность и объективированного в разных символических формах, нашедших отражение и зафиксированных в письменных текстах — рукописях XVII в. В них можно обнаружить мифы, исторические рассказы, нормативные представления, обряды, географические объекты, приобретшие функции/значение символов монгольской идентичности.

Период конца XVI—XVII в. на территории Внутренней Азии и граничившего с ней Китая характеризуется серьезными политическими и межкультурными столкновениями. Это определило и канон, по которому строились монгольские сочинения той эпохи, особенно выраженных острых и глубоких политических и культурных конфликтов. Во-первых, борьба за политическое превосходство между новым игроком на политическом поле — маньчжурами — и монголами, противостояние, которое можно считать и межкультурным. И, во-вторых, внутренние столкновения — конфликты между монгольскими властвующими домами в борьбе за лидерство в монгольском мире, которые зачастую одновременно сопровождались и религиозными противостояниями между сторонниками распространения буддизма и традиционалистами, сохранявшими приверженность шаманизму.

Этот процесс этнического возрождения сопровождается процессом этнического обновления (несовпадение этнической карты), когда вспоминается сначала эпоха Чингис-хана и события сразу после него, т. е. эпоха взлета, а затем период «малых ханов» — время забвения имперских традиций, и реконструируется «подлинная» монгольская идентичность. Этот период можно назвать временем интенсификации культурной идентичности, когда вспоминается только *значимое* прошлое, а *вспомненное* прошлое становится значимым историческим фактом. В этом про-

¹ Статья выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ № 15-01-00170 «Эволюция представлений о власти в монгольском обществе XIII—XX вв.».

цессе поисков собственной идентичности в период возвращения монголов на политическую арену в качестве активных акторов воспоминание становится актом семиотизации, где особую значимость приобретает концепт *ulus* — маркер монгольской политической идентичности, определявший уровень развития политической организации монгольского общества.

Несомненно, именно Чингис-хан становится главным символом возрождающейся монгольской общности, и вокруг его образа формулируются основные идеи общемонгольского единства, которые должны служить целям объединения всех монголов под эгидой всемонгольского хагана, значение которого заметно возросло со времен Даян-хагана. Жизнь и деятельность Чингис-хана, отца-основателя Монгольского улуса, является в большей части монгольских исторических сочинений XVII в. главной темой и занимает зачастую большую часть сочинений. Если в *Тайной истории монголов* мы встречаемся с простыми формами употребления концепта *ulus*²: упоминается «улус множества монголов» (*olon mongqol ulus* [Rachewiltz, 1972. Р. 173]), даже Чингис-хан называется просто «хаган, владыка улуса» (*ulus-un ejen qahan* [Ibid. Р. 173]), то *вспомненное значимое* прошлое, связанное с деятельностью Чингис-хана, в источниках XVII в. приобретает более значительные черты.

Необходимое для XVII в. объединение монголов, что способствовало бы противостоянию маньчжурам, актуализировало тему *собрания народов* (*ulusi quriyalčaju*), которой не было в такой форме в *Тайной истории монголов*: «...собирали вместе все народы [ШТ, 1957. С. 130]» (монг. *...büküi ulusi quriyalčaju* [Цендина. С. 32—33]). В результате Чингис-хану приписываются следующие слова в поэтическом фрагменте его завещания: «...Подобный сокровищнице весь великий народ мой!» [ШТ, 1957. С. 133], (монг. *...küü sang metü gür yeke ulus mini* [Цендина. С. 43—44]), где улус уже обозначается как великий — определение, подчеркивающее значительность созданного Чингис-ханом сообщества, актуальность единства которого манифестировалось в это непростое для Монголии время.

Тема *собрания* Чингис-ханом народов под своей властью повторяется постоянно. Это отмечал сам Чингис-хан: «Когда соединял и собирал воедино великий народ <...> Когда собирал обширные многие народы» [ШТ, 1957. С. 133—134] (монг. *yeke ulus-i joban jügejü jüggele quriyaqu čay-tur <...> eng olan ulus-i quriyaqu-dur* [ШТ, 1957. С. 36]). Это вслед за ним повторил суннитский Хилугэтэй Багатур: «С поспешностью собранный, твой народ рассеется <...> Прежде соединенный, народ твой станет чужим» [ШТ, 1957. С. 134] (монг. *qamuy-un jögegsen ulus činu tarqamji. <...> üris-ün jögegsen ulus činu öber kümüni болон таргамжи* [ШТ, 1957. С. 37]). И концепт *ulus* в словах, сказанных нукеру Чингис-хана

Боорчи его женой по имени Тэгусхэн Гоа, также выступает с определением «великий», поскольку маркирует результаты деятельности Чингис-хана: «...когда великие милости даны были ныне всему великому народу» [ШТ, 1957. С. 130] (монг. *...edüge narmai yeke ulus-tu yeke qayira boltala* [Цендина. С. 32—33]).

Следует отметить, что, несмотря на то что Н. П. Шастина переводила концепт *yeke ulus* как ‘великий народ’, нельзя исключать и его значения в политическом смысле — как суперсложную конфедерацию под эгидой Чингис-хана. Автор *Шара туджи* довольно последователен в обозначении монгольской общности под властью всемонгольских хаганов. Это позволяет предположить, что, как и во времена Чингис-хана, термином *ulus* обозначалась некая достаточно устойчивая общность — полития. Подтверждением этого может служить следующая цитата из *Шара туджи*: «Гудэн-хан, драгоценную великую державу усмиря, весь великий народ покоем очастливил» [ШТ, 1957. С. 149] (монг. *güden qayan qas yeke törü-yi töbsitkejü: gür yeke ulusi engke jiryayulju* [ШТ, 1957. С. 74]). Политичность понятия *yeke ulus* подкрепляется сопровождающим его словом — *güg*, что уже в XIII в. маркировало иерархически структурированное сложное сообщество. Гарантом его стабильности был правитель — проводник универсального закона вселенной, о чем, собственно, и сообщает источник: Гудэн-хан цивилизовал и гармонизировал пространство социума (*gür yeke ulus*) благодаря своей связи с *törü*³.

Неоднозначность термина *ulus* в полной мере проявляется в характеристике владений Даян-хана. «После этого Даян-хаган собрал и объединил шесть тумэнов-улусов и весь великий Монгольский улус сделал мирным и счастливым. Пребывал на ханском престоле семьдесят четыре года и умер в возрасте восьмидесяти лет» (монг. *tendece Dayan qayan: jiryuyan tümen ulus-i jöggilan tökögircü: narbai yeke Mongyol ulus-i engkejigülin jiryayuluγad: dalan dörben jile qan oron-dur saγuju: nayan nasun-ıyan güi taulai jile tengri bolbai* [ЕТ, 1990. Р. 130]). Здесь, как видим, термином *ulus* обозначается как каждый из шести тумэнов, так и их общность/целостность — весь великий Монгольский улус, что позволяет предположить, с одной стороны, некую самостоятельность тумэнов, с другой — недостаточно крепкое/цельное единство. Это, пожалуй, единственный случай, когда великий улус обозначен также и монгольским — *yeke Mongyol ulus*. Если в этом примере созданная Даян-ханом полития и ее структурные элементы обозначаются как разнородные единицы, то в следующем примере они соединены: «Даян-хан всех ввел [под свою эгиду] — три правых [тумэна], объединил свой великий улус шести тумэнов и установил [там] порядок» (монг. *tendece Dayan qayan barayun*

³ На мой взгляд, Н. П. Шастина предложила неточный перевод фразы *qas yeke törü-yi töbsitkejü* (‘драгоценную великую державу усмиря’). Ее следует читать так: ‘установил яшмовое великое *törü*’.

² Подробнее см.: [Скрынникова, 2015].

γurban-i burin oroγulun: jirγuyan tümen yeke ulus-iyān tökögerün tübsidkeged [ЕТ, 1990. Р. 129]). В результате образованная им полития называется и «великий Монгольский улус», и «великий шеститумэнный улус», что, по существу, свидетельствует об актуальности и синонимичности двух разных концептов в наименовании общности.

Это владения правителя, поскольку отмечается, что он «объединил **свой** великий улус» (*yeke ulus-iyān tökögerün*), и затем Мандухай и Даян-хаган «согласно обычаю сбора налогов великого улуса шести [тумэнов], сказали, [что] нужно назначить джинонгов... и в трех правых [тумэнах] назначили джинонгом Улус Болада» (монг. *jirγuyan yeke ulus-un alban-i γubciqiu yosutu: jinong boγyan... kemegsen-dür: Ulus bolad-i barayun γurban-dur: jinong boγyar-a* [ЕТ, 1990. Р. 124]).

Как видим, в результате деятельности Мандухай-Сэцэн-хатун и Даян-хагана за общемонгольским сообществом закрепилось обозначение его как «великий улус» (*yeke ulus*), причем это обозначение постоянно ревитализовалось и даже ретроспективно применялось к Монгольскому улусу, созданному Чингис-ханом, чтобы повысить авторитет монгольского единого сообщества, реального или виртуального. Более того, в качестве идентификационных маркеров границ общности, образованной Чингис-ханом, в летописи *Шара түджи* используются и другие обозначения. Прежде всего это обозначение собственно монгольской общности как «сорок тумэнов»: «В то время как братья вчетвером жили, пришел Богурджи и сдружился [с Чингисом]. Подобным образом понемногу собрал товарищей, также покорил сорок тумэнов монгольского народа» [ШТ, 1957. С. 128] (монг. *aq-a degüü dörbegüle yabutala: boγurči irejü nöküčebēi: tere metü ulam nökü nemejü . basa deyilejü abču . döčün tümen mongγol ulusi oruγulju* [Цендина. С. 22]). В данном случае используется маркер общности, не употреблявшийся в XIII в. и сложившийся позже, — сорок тумэнов монгольского народа. Предположительно, представление о монголах как общности сорока тумэнов относится ко времени Юаньской династии, поскольку в *Шара түджи* имеются сведения о том, что при изгнании Тогон Тэмура из Китая «из сорока тумэнов монголов вышли [лишь] шесть тумэнов» [ШТ, 1957. С. 140] (монг. *döčün tümen mongγol-un jirγuyan tümen inu γarbai* [Цендина. С. 22]). В «плаче» Тогон-Тэмура мы также обнаруживаем эту тему — собиранье народа Чингис-ханом под своей эгидой: «Сыном Хан-Тэнгри (Небо. — Т. С.) Чингис-хаганом собранный воедино народ брошен мною... Собранный, соединенный народ свой я покинул» [ШТ, 1957. С. 142] (монг. *qan tngri-yin köbegün Činggis qayan-u jögegsen ulus-i örkijü... qatur-un jögegsen ulus-i ni örkiju* [ШТ, 1957. С. 55]).

И хотя, как указано выше, из Китая вышло только шесть тумэнов монголов, и позже, во времена Эсэна, монголы обозначались как сообщество сорока тумэ-

нов, о чем свидетельствуют его слова, сказанные им его прислужнику Инаг Хэрэ: «Испытай Сорок и Четырех» [ШТ, 1957. С. 145] (монг. *döčün dörbēn-i tengse* [Цендина. С. 22]), где число «сорок» обозначает монголов, а «четыре» — ойратов. В данном случае *tümen* является синонимом *ulus*. Известно обозначение монголов и ойратов как «сорок и четыре [тумэна]», что упоминается и в *Шара түджи* в следующем виде: «Испытай Сорок и Четырех» [ШТ, 1957. С. 145] (монг. *döčün dörbēn-i tengse* [Цендина. С. 22]). Свидетельством того, что *tümen* и *ulus* могут выступать в качестве синонимов, является и следующий поэтический фрагмент восхваления монгольских тумэнов: «Так называемые Дурбэн ойрат. Харият, один из них Огулэт, ставший теперь народом под именем Сархис... — вот четыре тумэна ойратов» [ШТ, 1957. С. 159] (монг. *dörbēn oyirad gegči qariyad . nigen-i ögüliid edüge sargis gegči ulus bolba ... dörbēn tümen oyirad gegči ene* [Цендина. С. 170—171]). В этом отрывке четыре объединения ойратов называются тумэнами, и одно из них одновременно обозначается как *ulus*, что, безусловно, свидетельствует о том, что последний термин приобретает политическое значение.

Проблема единения монголов в середине XVII в., времени составления летописей, была актуальна и восстановление общемонгольского единства манифестировалось в разных формах. Именно в этом ключе оценивалась деятельность Лигдан-хагана, ставшего всемонгольским правителем в эпоху смут: «Не сумел уговорить их мирным путем. Тогда силою собрав шесть великих народов, тридцать один год на ханском престоле сидел» [ШТ, 1957. С. 150] (монг. *eyeber boγyan yadaγad. jirγuyan yeke ulusi küčir-iyer quriyad: γüčün nigen jil qan orun saγuju* [Цендина. С. 108—109]). Автор летописи использует выражение «*jirγuyan yeke ulus*», которое является синонимом сочетания «*jirγuyan tümen*» и, соответственно, этот идентификационный маркер следует переводить не «шесть великих народов», как это предложила Н. П. Шастина, а «великий улус шести [тумэнов]». Что касается вопроса о том, какие они, шесть тумэнов, то ответ мы находим в *Шара түджи*: «Три восточных (левосторонних. — Т. С.) тумэна: Тумэн Чахар... Тумэн Халха, — живущий в Хангай-хане... Тумэн Урянха... Три западных (правосторонних. — Т. С.) тумэна: тумэн Ордос... охраняющий гороподобную белую юрту родившегося с гордостью Эдзэна... Великий Юншиэбо... к Юншиэбо присоединив харачинов и асутов — будет один тумэн. Таковы шесть этих тумэнов» [ШТ, 1957. С. 159].

После смерти последнего всемонгольского хагана «старшие и младшие братья (принадлежавшие к Золотому роду. — Т. С.) соединились со своим великим улусом» (монг. *aq-a degüü yeke ulus-luyaban neyileldün*) и «собрали весь великий улус» (монг. *narmai yeke ulus-i quriyan cuγlayulju* [ЕТ, 1990. Р. 181]) во главе с великими и малыми нойонами ордосского тумэна.

Ордос⁴ был сакральным центром монгольской общности — «великого улуса шести тумэнов» (*jirγuyan yeke ulus*), именно там проходила инаугурация всемонгольского хагана. «Шесть монгольских тумэнов собрались перед юртой, обладающей харизмой хана, поклонившись священным предметам у листовницы, перед Владыкой (Чингис-ханом. — Т. С.) весь великий улус Боди-хагану дал титул „күдэнг-хаган“» (монг. *Qan suu-tu caγan ger-ün emün-e jirγuyan tümen ciγuluyad. Qar-a modun-u dergede bolyan qutuy-tur mörgöjü ejen-ü emün-e-ese. Qamuy yeke ulus bodi qayan-dur küdeng qayan cola ögbe* [ETNS, 2001. S. 159]). Безусловно, в выражении «весь великий улус» заключен политический смысл, что подчеркивается ниже по отношению к этому же факту собрания шести тумэнов в связи с инаугурацией Боди-хагана — «Шести[тумэнный] великий улус» (монг. *jirγuyan yeke ulus* [ETNS, 2001. S. 161]).

Шесть тумэнов, «сочетая универсальный закон вселенной и религию, делают мирным универсальный закон вселенной великого народа (улуса)» (монг. *törö sasin-i jasan jokiyān jasaγad yeke ulus-un törö-yi engke amuyulju* [ETNS, 2001. S. 212]). Связь правителя с *törö*, которое одновременно является и *tögö* не только своего социума, но и всего мира, объясняется тем, что, несмотря на буддийскую направленность летописей, рождение правителя связывается с Небом: «Рожденный волей Высшего Неба, Владыка всего мира Богда Алтан-сэцен-хаган» (*Deger-e tngri-yin jayay-a-bar törögsen. Delekei dakin-u ejen boγda altan secen qayan* [ETNS, 2001. S. 266]). Здесь мы наблюдаем «парад» маркеров, отмечающих исключительность тумэтского Алтан-хана: *qayan*, *boγda*, владыка вселенной, благодаря чему Алтан-хан мог выполнять гармонизирующую функцию в своем и чужом социумах.

Наиболее ярким примером связи правителя и *tögö* является информация о Мэргэн-джиноне — правителе Ордоса, что нашло отражение в биографическом сочинении, посвященном Алтан-хану. Когда Алтан-хану было 13 лет, умер его отец. Тогда тремя правыми тумэнами стали владеть Эрхэту-Мэргэн-джинон и Алтан-хаган совместно с младшими братьями. Они «тщательно управляли великим улусом» (монг. *Todorqai-a yeke ulus-i jiluyadun jalaju* [ETNS, 2001. S. 156]). Следует обратить внимание на определение Мэргэн-джинона как владыки народа: «Вла-

дыка народа Эрдэни Мэргэн-джинон и Алтан-хаган были людьми» (монг. *Ulus-un ejen Erdeni mergen jinong altan qayan qoyayula* [ETNS, 2001. S. 157]), мысли которых беззаботны, смелы и дружелюбны. Нельзя не обратить внимания также на первую часть имени Эрхэту-Мэргэн-джинона — Эрхэту, что маркирует принадлежность Мэргэн-джинона к властной элите: обладающий силой (всесильный), обладающий властью.

Взяв три правых тумэна белых юрт владыки, Эрдэни Мэргэн-джинон и Алтан-хаган остановились на южном склоне Хангая, взяв три левых тумэна, остановились на северном склоне Хангая. «Выдающийся великий улус кочевал там в 1538 г., набирая силы. Великий улус шести тумэнов сел на коней и атаковал» (монг. *Erkin yeke ulus noqai jil-e tende nutuyaju. taryulayad saca. Jirγuyan tümen yeke ulus mordaju dobtuluyasan* [ETNS, 2001. S. 159]). И урянханы были побеждены счастливой харизмой (сюр-тур). Победив врагов, «великий улус возрадовался» (монг. *yeke ulus bayasqulang-tan bolju* [ETNS, 2001. S. 159]). «Великий улус, радуясь, там кочевал» (монг. *yeke ulus bayasuyad tende nutuyaju* [ETNS, 2001. S. 164]). Когда же Алтан-хагана не стало, «мысли всего великого улуса не были спокойны. ...Весь великий улус печалился от горя и скорби» (монг. *Qamuy yeke ulus-un setkil ülii amun... Tegsi qamuy yeke ulus γasal-un sinal-un enelgegdejü* [ETNS, 2001. S. 196]). В описании этих событий можно отметить двойственность значения концепта *ulus* (*yeke ulus*): с одной стороны, постоянно подчеркивается его политическая структура (шесть тумэнов: три правых и три левых, центр — восемь белых юрт), управление этими структурами; с другой — он мог обозначать и людей, которых можно взять, чтобы пойти на завоевание: «Взяв множество своего народа, пошли на Южный Китай» (монг. *yeke ulus-iyān abuyad nanggiyad-tur ayalaju* [ETNS, 2001. S. 160]); «Взяв бесчисленное количество людей, Алтан-хаган пошел на Китай» (монг. *Caγlasi ügei yeke ulus-iyān abuyad altan qayan kitad-tur ayalaju* [ETNS, 2001. S. 165]). Глаголы, с которыми употребляется концепт *yeke ulus* (**сесть на коней, атаковать, радоваться, печалиться, кочевать**), позволяют с полной определенностью говорить о том, что речь идет не о государстве, а о людях. Именно весь народ может собраться, чтобы участвовать в избрании хагана. Причем следует обратить внимание на то, что словосочетание *yeke ulus* относится как к шести, так и к трем тумэнам.

Как владыка Ордоса, где расположен мемориальный комплекс, посвященный Чингис-хану, Мэргэн-джинон «отправился к белым юртам владыки и сделал центром ордосский тумэн, поселившись там» (монг. *ejen-ü caγan geri jiluyaduyad . masi ordos tümen-i töblen saγujuqui* [ETNS, 2001. S. 154]). В качестве владыки Ордоса Мэргэн-джинонг благодаря острому уму «стал центром/ядром/сердцевиной *törö* шести тумэнов» (монг. *jirγuyan tümen-ü törö-yin töbci bolju* [ETNS, 2001. S. 154]). «Поскольку удивитель-

⁴ Почитание Чингис-хана в Эджэн-Хоро в Ордосе имеет давнюю традицию. Значение харизматической личности Чингис-хана в манифестации монгольской идентичности отмечается уже в XIII в. После того как Хубилай, внук Чингис-хана, провозгласил себя императором в Китае, основав династию Юань, им на государственном уровне был официально учрежден в 1260 г. культ Чингис-хана, или «культ восьми белых юрт», тем самым манифестировался приоритет монгольской идентичности в империи. Почитание Чингис-хана в месте предполагаемого захоронения определяется сакральностью его личности, согласно традиционным представлениям, тело его стало гением-хранителем — онгоном.

ный Мэргэн-хара стал опорой *törö*, дали [ему] титул „мэргэн джинон“ [ETNS, 2001. S. 159] (монг. *Gaiyiqamsiy mergen qar-a-yi törö-yin sitügen bolba ketmejiu margen jinong cola ögbe* [ETNS, 2001. S. 159]).

Как видим, *törö-yin töbci* и *töblen* имеют один корень, маркирующий центр, который связан с Ордосом и восьмью белыми юртами. Титул *джинон*⁵ носил, как правило, правитель, возглавлявший левое крыло, в котором находился сакральный центр общности, и, соответственно, Мэргэн-джинон был лицом, на которого было возложено исполнение ритуалов для укрепления и роста *törö*. Речь идет о *törö* в значении сакрального Закона, находящегося в сакральном центре социума и связанного с верховным правителем (*qad-un törö, degedü boyda qaγan-u törö*), обеспечивавшим гармонию в социуме и природе: как сам правитель благодаря харизме, так и его атрибуты становятся медиаторами *törö* — универсального Высшего Закона вселенной (*yirtincu-yin törö*).

Восстановленная Даян-хаганом общемонгольская полития сохраняла свою актуальность и в XVII в., обозначаясь и как *великий Монгольский улус*, и как *великий улус шести тумэнов*, позиционируя идентичность всей Монголии. Отмечается связь возрожденной Монголии с империей Чингис-хана: «Нынешний шеститумэнный улус, сохранившийся от древнего Монгольского улуса сорока тумэнов» (монг. *Erten-ü döcin tümen Mongyol ulus-i ülegsен: enekiken jiryuyan tümen ulus* [ET, 1990. P. 131]). Потомкам Чингис-хана приписывается сохранение великого улуса: «Благодаря потомкам Владыки-хагана Великий улус был счастлив, [расположив] руки на земле, ноги на почве» (монг. *teyin kü ejen qaγan-u acibar. kür yeke ulus. γar γajar-a: köl köser-e küsiug-iyer jiryabai* [ET, 1990. P. 191]). Благодаря приезду Далай-ламы Лобсан Джамцо «Великий улус жил в мире» (монг. *kür yeke ulus-i engkejigülün* [ET, 1990. P. 189—190]). Монголия *Шести тумэнов* обозначается в *Erdeni-yin töbci* как «любезный [сердцу] Великий улус, установленный твоим замечательным предком» (монг. *sayin ebüge-yin cinu toytaγaysan yeke ulus* [ET, 1990. P. 132]) или просто *Великий улус* [ET, 1990. P. 162, 180]. В *Erdeni tumal neretü sudur* Монголия, возглавляемая всемонгольским хаганом, также называется «Великим улусом» или «Великим улусом шести [тумэнов]», центром которого являются белые

⁵ Эта традиция — оставлять левое крыло, состоящее из трех тумэнов, в ведении верховного правителя, а три правых передавать в ведение джинона — продолжилась и после Даян-хагана. Так, автор «Шара туджи» сообщает: «Мандагул-хаган и Болху-джинон управляли собранными [ими] шестью тумэнами» [ШТ, 1957. С. 147] (монг. *tanduyul-un qaγan bolqu jinong qoyar jiryuyan tümen-ü tamturylan medejü* [ШТ, 1957. С. 69]). Если строго следовать монгольскому тексту, то правильнее переводить глаголы так: «разделив, ведали». Еще с XIII в. известно, что верховная власть связывается с левым крылом, в котором находится сакральный центр общности — очаг рода потомков Чингис-хана, к которому относится верховный правитель монголов.

юрты Чингис-хана (монг. *Boγda ejen-ü qaγan ger-iin emün-e jiryuyan yeke ulus ciyuluγsan* [ETNS, 2001. S. 161]).

К сожалению, в источниках нет подробных данных об управлении Великим улусом шести [тумэнов], которое осуществлял всемонгольский хаган. Но известно, что Тумэн Дзасакту-хаган «поручил правление из трех восточных тумэнов Намутай хунтайджи, халхаскому⁶ Субугай Уйдзэну, из трех западных тумэнов ордосскому Хутугтай Сэцэн-хунтайджи, асутскому Ном Дара Холочи-нояну, тумэтскому Намутай Цурухэ-хун-тайджи» [ШТ, 1957. С. 149].

Кроме этих указаний на то, какова политическая структура Великого улуса, у нас также есть свидетельства того, что *великий улус шести тумэнов* не был фиктивным сообществом. Так, например, Халха была одним из принадлежавших борджигинам тумэнов левого крыла, которое получил во владение Гэрээндзэ — младший сын Даян-хагана. А Тумэн Дзасакту-хан, как мы видели, включил халхаского Уйцзан Субудана в сформированное им управление. Этот статус Халхи как части Монголии регистрируется не только внешним источником, но и летописью, составленной в самой Халхе (*Шара туджи*) и содержащей сведения обо всех общемонгольских ха-

⁶ Уйцзан/уйцзэн — титул, известный уже по *Белой истории*. Значение его неизвестно [ETNS, 2001. S. 252]. В данном случае речь идет о представителе «внутренних» хошунов Халхи. Б. Я. Владимирцов писал: «Как известно, монгольское племя *Халха* „халхасы“, образующее главную массу населения современной Халхи (сейчас территория Республики Монголии. — Т. С.), происходит от так называемых „Семи халхаских поколений“ *Doluyan otoy Xalxa*, иногда их называют также „Семью северными (задними) халхаскими поколениями“ *aru-yin Doluyan otoy Xalxa*; причем известно, что поколения эти отошли в удел *Geresenje jalayir xong tayiji*, младшему сыну *Batu Möngke Dayan хаγан*'а (середина XVI в.). Так как в известных случаях „поколение“ — *otoy* и „удел, военный округ, знамя-дивизия“ *xosiyun* оказывались словами-понятиями идентичными, то наряду с выражением *Doluyan otoy Xalxa* появилось и *Doluyan xosiyun Xalxa* „Семь хошунов“, которым пользовались для обозначения всей Халхи и всех халхасов» [Владимирцов, 2002. С. 285]. После распада Монгольской империи для монгольского общества была характерна борьба центристских и центробежных тенденций, причем последние преобладали. В XV в., благодаря победе над соперниками Бату-Мункэ (р. 1460, правил 1479—1543), известного как Даян-хаган, междоусобицы временно прекратились. Можно говорить о том, что Бату-Мункэ Даян-хаган объединил монголов и восстановил титул «хаган» как маркер верховной власти, актуальный во времена величия монголов. Если Южная или Внутренняя Монголия была завоевана маньчжурами (последний монгольский хаган — Лигдан-хаган потерпел поражение в 1636 г.) и включена в состав Китайской империи, то Халха сохраняла самостоятельность до конца XVII в. и называлась Северной, или Внешней, Монголией. Известные «Восемнадцать степных законов» были составлены в период конца XVI в.—1639 г. лидерами четырех, шести или семи хошунов Халхи [BC3, 2002].

ганах, от Бату Мункэ Даян-хагана до Лигдан-хагана, часто с уточнением, что они получили свой титул перед белой юртой. Кроме преемственности верховной власти хаганов в этой летописи, как и в других, перечисляются все сыновья Даян-хана и их потомки [ШТ, 1957. С. 150—153], что, безусловно, моделирует границы общемонгольской идентичности.

Но нас в данном случае интересует тот факт, что, несмотря на то что и сама Халха не представляла собой постоянного устойчивого объединения, поскольку, как свидетельствуют тексты *Восемнадцати степных законов*, они принимались сообществами в четыре, шесть и семь хошунов, для Халхи все же были актуальными как принадлежность к Великому улусу, так и действие установленных в нем законов. Обращает на себя внимание дважды упомянутая фраза в первом, недатированном законе шести халхаских хошунов (пункт 85) и в законе 1620 г.: «*yeke ulus jarliy bolju*» [BC3, 2002. С. 25, 38], имеющая отношение к статусу элчи. На мой взгляд, это выражение имеет смысл: «Великий улус постановил [следующее]»⁷. Тогда пункт первого сборника законов будет таким: «Великий улус постановил: кто не даст лошадь элчи, с того [взять] девяток» (перевод мой. — Т. С.) (монг. 85. *yeke ulus jarliy bolju elči mori /a10/ (eči)gsen-i ese ögbesü nigen yisütü* [BC3, 2002. С. 25]). А в 1620 г. это право элчи, связанного с центральной властью, было подтверждено: «Великий улус постановил: давать подводу элчи» (монг. 75. *yeke ulus jarliy bolju elči-dü /ö46/ mori ög* [BC3, 2002. С. 38]).

Использованная литература

- Владимирцов, 2002: Владимирцов Б. Я. Где «пять халхаских поколений» — *Tabun otoу Халха* // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 285—288 (*Vladimircov B. Ya. Gde «pyat' halhaskih pokolenii» — Tabunoto? Халха* // Vladimircov B. Ya. Raboty po istorii i etnografii mongol'skih narodov. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2002. S. 285—288 (in Russian)).
- BC3, 2002: Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI—XVII вв.: Монгольский текст, транслитерация монгольского текста / Пер. с монг., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб., 2002 (*Vosemnadcat' stepnyh zakonov. Pamyatnik mongol'skogo prava XVI—XVII vv. / Mongol'skii tekst, transliteraciya mongol'skogo teksta. Perevod s mong., komment. i issledovanie A. D. Nasilova. SPb., 2002 (in Russian)*).
- Скрынникова, 2015: Скрынникова Т. Д. Основания власти правителя в монгольской политической культуре эпохи Чингис-хана // *Mongolica-XIII*. СПб., 2015. С. 39—44 (*Skrynnikova T. D. Osnovaniya vlasti pravatelya v mongol'skoi politicheskoi kul'ture epochi Chingis-hana // Mongolica-XIII. SPb., 2015. S. 39—44 (in Russian)*).
- Цендина: Цендина А. Д. Транслитерация монгольского текста «Шара туджи» [Электронный ресурс] // *Monumenta Altaica / Древние и средневековые письменные памятники*. URL: <http://altaica.ru/sira.php> (дата посещения: 21.06.2016) (*Tsendina A. D. Transliterations mongol'skogo teksta «Shara tudzhi» // URL: http://altaica.ru/sira.php (accessed: 21.06.2016) (in Russian)*).
- ШТ, 1957: Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / Сводный текст, перевод, введение и примечания Н. П. Шатиной. М.; Л., 1957 (*Shara Tudzhi. Mongol'skaia letopis' XVII veka / Svodn. tekst, per., vved. i primech. N. P. Shastinoi. M.; L., 1957 (in Russian)*).
- ET, 1990: Erdeni-yin tobči. ('Precious Summary'). Sarang Secen. A Mongolian Chronicle of 1662 / The Urga text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewiltz, J. R. Krueger and B. Ulaan. Faculty of Asian Studies Monographs: New Series. N 15. The Australian National University. Canberra, 1990.
- ETNS, 2001: *Kollmar-Paulenz, Karenina*. Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qaγan der Tümed-

⁷ А. Д. Насилов отнес это выражение к элчи: «имеющему повеление Великого улуса (yeke ulus)» [BC3, 2002. С. 58] при переводе закона 1620 г. А пункт первого закона он перевел так: «65. Если [кто] не даст лошадь для элчи с княжеским поручением, [с того] взять один девяток» [BC3, 2002. С. 43], где, как мы видим, отсутствует упоминание Великого улуса.

Mongolen / Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2001.

Rachewiltz, 1972: *Rachewiltz I. de*. Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1972. Vol. 121.

T. D. Skrynnikova

Ideas of the all-Mongolian identity in the Mongolian chronicles of the XVII century

In this article the main emphasis is on analysis of those concepts which modelled the limits of the all-Mongolian identity in texts of the XVII century. The analysis of the Mongolian texts showed that the all-Mongolian polity restored by Dayan-hagan kept the relevance in the XVII century, being designated both as *the great Mongolian ulus*, and as *the great ulus of six tumen*, positioning identity of all Mongolia.

Key words: Mongolia, power, concept *great ulus*, *six tumen*, traditional political culture.